

Российские консерваторы о социализме

События, происходившие в России после февраля 1917г. были восприняты большинством русских традиционалистов как национальная катастрофа. Это ощущение еще более усилилось после прихода большевиков к власти. “Русь слиняла в два дня. Самое большее - в три... Что же осталось-то? Станным образом - буквально ничего” - писал в ноябре 1917 г. В.В.Розанов в “Апокалипсисе нашего времени”¹. Эсхатологические настроения в тот период тесно соседствовали с извечным русским мессианством. При этом рассмотрение политических событий через призму Апокалипсиса было присуще не только консервативным, но и либеральным мыслителям, примером чему является известный сборник «Из глубины».

В период происходившего в России революционного слома всех традиционных отношений только немногие мыслители прогнозировали скорое подавление революционной стихии ею же порожденным цезаризмом, и уж, конечно, мало кто вспоминал те пессимистические прогнозы, относительно будущего России, которые были сделаны консервативными интеллектуалами на рубеже веков. Оказавшись в эмиграции, представители различных мировоззренческих направлений принялись заново перечитывать наследие русской консервативной мысли. Н.А.Бердяев, П.Б.Струве, С.Л.Франк, В.В.Зеньковский - обратились к наследию К.Н.Леонтьева, наполняя его размышления о социализме новым смыслом. Именно в эмигрантской среде был сформирован образ Леонтьева - пророка. Н.А.Бердяев писал о нем, как о человеке, предвидевшем не только мировую революцию, но и мировую войну, а также появление фашизма. П.Б.Струве считал, что идеи К.Н.Леонтьева нельзя напрямую замыкать на конкретные политические события, поскольку они должны рассматриваться в метафизически - мистическом ключе: “Успехи “демократии” не опровергают философских идей Леонтьева, и успехи “фашизма” их не подтверждают”². С.Л.Франк увидел в К.Н.Леонтьеве человека обладавшего “гениальным прозрением” и сумевшего предсказать “предстоящую коммунистическую революцию в России”³.

Характерно появление за рубежом публикаций, в которых идеи русских монархистов пытались соединить с идеологическими постулатами большевизма и фашизма. Так, в 1932 г. поэт Г.В.Иванов утверждал: “Совпадение политических теорий Леонтьева с “практикой” современности прямо поразительно. Не знаешь иногда, кто это говорит - Леонтьев, или гитлеровский оратор, или русский младоросс”⁴.

К консервативному наследию обращались и идеологи сменовеховства Н.В.Устрялов и Ю.В.Ключников. Находившийся под сильным влиянием идей Н.Я.Данилевского о цикличности развития, и близкий по ряду своих положений К.Н.Леонтьеву, Н.В.Устрялов считал, “что из всех политических групп, выдвинутых революцией, лишь большевизм, при всех пороках своего тяжелого и мрачного быта, смог стать действительным русским правительством, лишь он один, по слову К.Леонтьева, “подморозил” загнивавшие воды революционного разлива...”⁵. На наличие определенной преемственности между идеями Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева и евразийцев указывал В.В.Зеньковский, по мнению которого, всех их объединяло неприятие западных ценностей и вера в особую миссию России.

В то же время в советской историографии отношение консерваторов к социализму рассматривалось через политическую призму, что зачастую не допускало никаких полутонов в толковании проблемы. Определенный перелом наметился после выхода на Западе ряда исследований, в которых утверждалось, наличие единых антизападнических тенденций, объединяющих и самодержавную и советскую Россию. Своеобразным символом этой традиции в глазах зарубежных исследователей стал Н.Я.Данилевский. Одним из первых,

указавших на типологическую близость концептуальных построений Н.Я.Данилевского и марксистской идеологии, был американский исследователь Г.Кон. Для него критика Запада Н.Я.Данилевским и И.В.Сталиным была идентичной. Правда, по Данилевскому, Запад должен был потерпеть поражение в столкновении со славянской идеей, а по Сталину в столкновении с социалистической идеей. “Данилевский был глубоко убежден, как и Сталин семьдесятюпятью годами позже, что русский народ преследует идеалы, противоположные воинственному и плутократическому духу Запада. Данилевский и Сталин были едины в одном фундаментальном убеждении: они рассматривали Россию как олицетворение демократии и социальной справедливости”⁶.

Еще дальше пошел американский исследователь Р.Мак-Мастер, считавший, что Данилевский был основателем тоталитарной философии, а “его доктрина была опасной и вредной, типологически схожей с идеями предшественников Сталина и Гитлера”⁷.

Выход на Западе ряда монографических исследований, посвященных русскому консерватизму, и затрагивающих, в частности, мировоззрение Н.Я.Данилевского, К.Н.Леонтьева и К.П.Победоносцева потребовал адекватного ответа от советских исследователей.

С конца 60-х годов в отечественной историографии возрождается интерес к разработке тематики русского консерватизма. При этом нельзя было обойти и отношение консерваторов к социализму. Так, например, по поводу взглядов К.Н.Леонтьева, говорилось, что он “ясно ощутил революционную грозу более чем на четверть века раньше ее приближения и в страхе неистовствовал, рыдая загодя о потерянном рае монархии, дворянства и церкви”⁸.

Своеобразной квинтэссенцией западного взгляда на соединение консервативных и социалистических идей в истории России, стала, вышедшая в 1980 г. в Париже книга М.Агурского “Идеология национал-большевизма”. Н.Я.Данилевский и К.Н.Леонтьев представлены в ней в роли своеобразных предтеч новой национал-большевистской доктрины, отличной и от консерватизма, и от социализма.

В начале 90-х гг. в связи с разрушением идеологических стереотипов началось переиздание работ отечественных традиционалистов. Это привело к новому рассмотрению темы “консерватизм-социализм”. Имя Н.Я.Данилевского стало упоминаться в связи с внешнеполитическими действиями И.В.Сталина в послевоенный период. К.Н.Леонтьев попеременно объявлялся то критиком социализма, то “национал-большевиком”. Л.А.Тихомиров же стал рассматриваться в некоторых публикациях, как идеолог корпоративизма на русской почве. При этом редкая публицистическая, да порой и научная, работа обходилась без упоминания о пророческих предсказаниях консерваторов и их гениальном предвидении.

Подобное “хождение по кругу” оставляет в стороне весьма важный вопрос. Верили ли сами консерваторы в возможность нравственной победы над социализмом? При этом речь идет именно о нравственной победе, поскольку чисто физическое подавление революционной оппозиции не рассматривалось ими как нечто, способное полностью пресечь проникновение в Россию антимонархических тенденций. В связи с этим возникает вопрос об изначальной обреченности русской консервативной идеологии в связи с неверием и скептицизмом, присущим ее творцам, если это неверие действительно имело место.

Отношение славянофилов к революции было весьма обстоятельно рассмотрено в вышедшей в 1994 г. монографии Е.А.Дудзинской “Славянофилы в пореформенной России”. Наиболее типичными в данном контексте являются слова К.С.Аксакова из записки “О внутреннем состоянии России”, представленной в 1855 г. Александру II. Он писал: “Кто слышал, чтобы простой народ в России бунтовал или замышлял против Царя? Нет, конечно: ибо этого не было и не бывает”⁹. Народ, по мнению славянофилов, любит царя, покорен его воле, всегда будет опорой самодержавия, и уж, конечно, не поддержит никакую революцию.